

БѢЖЫ ВОИНЫ

БОЖЬИ ВОИНЫ

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ

СВЕТ
ВЕЧНЫЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44
С19

Серия «Легендарные фантастические сериалы»

Andrzej Sapkowski

LUX PERPETUA

Перевод с польского *В. Фляка*

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов,
Nowa Publishers (Польша)
и Агентства Александра Корженевского (Россия).

Сапковский, Анджей.

С19 Свет вечный : [фантастический роман] / Анджей Сапковский ; [пер. с пол. В. Фляка]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 576 с. — (Легендарные фантастические сериалы).

ISBN 978-5-17-094265-7

Грандиозная трилогия «Божьи воины», повествующая о похождениях бывшего студента-медика, мага Рейневана, волею судьбы присоединившегося к гуситам и ставшего одним из их лучших ратников.

Живое Средневековье с его рыцарями-разбойниками, гуситами и крестоносцами, инквизиторскими кострами, смертельными эпидемиями, ведьмами и колдунами, кровавыми битвами и неумными празднествами. Страсть и коварство, дружба и предательство, и многочисленные авантурные приключения героя, решительно отстаивающего свое право на собственную судьбу.

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-094265-7

© Andrzej Sapkowski, 1993–1997, 1999
© Перевод. В. Фляк, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

Памяти Евгения Вайсброта, прекрасного человека и выдающегося переводчика, который более полувека приближал нашим русским друзьям польскую литературу, посвящая эту повесть.

*Dies irae*¹, *dies illa solvet saeculum in favilla, teste David cum Sibilla...*

Вот день гнева наступает, в прах волна века смывает, все Давид с Сибиллой знают. Будет страх там и стенанье, всем Судья даст наказанье. Голос труб оповещает, из могил всех поднимает и ко трону призывает...

Tararara, tararara, tararara, dum, dum, dum...
Lacrimosa dies illa,
qua resurget ex favilla
indicandus homo reus
*huic ergo parce Deus*².

Ой, ой-ой-ой, приближается, уважаемые господа и дорогие слушатели, приближается день гнева, день скорби, день слез. Приближается День Суда и наказания. Как говорится в Послании Иоанна: *Antichristus venit, unde scimus quoniam novissima hora est*. Идет, идет Антихрист, приходит последнее время. Близится конец света и завершение существования всего...

Другими словами: хреново, блин.

Антихрист, уважаемые господа и дорогие слушатели, будет из колена Данова.

¹ Древний гимн «День гнева» — составная часть заупокойной службы, известной нам под названием «Реквием».

² Толкование наиболее трудных выражений, религиозных гимнов, ссылки на первоисточники, а также кучу анекдотов и информации «что было после» вы найдете в конце книги. Заранее предупреждаем, что Автор оставил читателям много свободы самостоятельно порыскать по различным словарям, энциклопедиям и покрытым пылью историческим фолиантам. Это ведь — самое удовольствие, которого лишит Читателя Автор не хотел бы. — *Примеч. автора.*

Рожден будет в Вавилоне. В конце света придет, три с половиной года царствовать сможет. В Иерусалиме свой храм построит, силой царя овладеет, а Церковь Божью разрушит. На огненной печи ездить будет, везде творя дива дивные. Раны свои показывая, сманит верных христиан. Прибудет с мечом и огнем, и силой его будет богохульство, и плечи его — предательство, и десница его — погибель, а шуйца — тьма. Лицо его, как у дикого зверя, лоб высокий, брови сросшиеся... Правый глаз его, как заря, поднимающаяся на рассвете, левый неподвижный, зеленый, как у кота, и две зеницы вместо одной. Нос его — как пропасть, губы на локоть, зубы на пядь. Пальцы его, как железные косы...

Ну-ну! И чего это кричать на деда, уважаемые? Зачем сразу угрожать-то? За что? За какую провинность? За то, что пугаю? За то, что глумлюсь? Будто ворона каркаю? Вовсе, любезные, не каркаю. Правду говорю, чистую правду заявляю, великими отцами Церкви засвидетельствованную. Да из евангелий почерпнутую! Из апокрифичных, говорите? Ну и что с того, что из апокрифичных? Весь этот мир апокрифичный.

Что там несешь, милая девушка? Что это там так в жбанах пенится? Не пиво, случаем?

Эх, превосходное... Свидницкое, как пить дать...

Эй! А посмотрите-ка в окошко, уважаемые! Может, старика глаза обманывают? Или это мне кажется или солнце наконец-то сквозь тучи пробивается? Боже мой, так и есть! Конец, скоро будет конец слякоти и непогоде. Верю, вы только поглядите, вот блеск мир заливает, опускается с небес столпом золотистым.

Вот свет безграничный.

*Lux perpetua*¹.

Хотелось бы такого. Вечного. Хотелось бы...

Что вы говорите? Что раз уж скоро конец слякоти, то хватит сидеть в корчме, и не пора ли в путь? Что вместо того, чтобы болтать ерунду, поскорее рассказать, дабы закончить? Завершить рассказ о том, что там было дальше с Рейневаном и с его любимой Юттой, с Шарлеем и Самсоном в то время,

¹ Свет вечный (лат.).

время жестоких войн, когда изошли кровью и почернели от пожараищ земли Лужиц, Силезии, Саксонии, Тюрингии и Баварии? В самом деле, уважаемые, в самом деле. Расскажу, ибо и повесть естественным порядком к концу клонит. Хотя сказать вам должен, что если к счастливому либо веселому завершению повести готовитесь, то жестоко ошибаетесь... Ну что? Опять пугаю? Каркаю? А как тут, скажите, не каркать? Когда такие ужасные вещи в мире творятся? Когда во всей Европе, посмотрите только, беспрестанно шум битвы.

Под Парижем не высыхает кровь на мечах французов и англичан, бургундцев и арманьяков. Непрерывно смерть и пожары на земле французской, постоянно война. Сто лет продолжаться будет, что ли?

Англия кипит в мятежах, Глостер на ножах с Бофортами. Будет из-за этого, ой будет, вспомните слова мои, что-то недоброе между Йорками и Ланкастерами, между Белой и Алой Розой.

В Дании гремят пушки, Эрик Померанский противостоит Ганзе, яростный бой ведет с князьями Шлезвика и Гольштейна. Цюрих поднял вооруженное восстание против кантонов, договаривается об единении гельвецкого союза. Медиолан сражается против Флоренции. На улицах Неаполя бесчинствуют завоеватели, солдатня из Арагонии и Наварры.

В московском княжестве гуляют меч и факел. Василий в ожесточенной стычке с Юрием, Дмитрием Косым, Шемякой. *Vae victis!* Побезденные плачут красными слезами из кровавых глазниц.

Доблестный Янош Хуньяди успешно воюет с турками. Преимущество на стороне детей Арпада! Но уже висит, как Дамоклов меч, тень Полумесяца над Семиградом, над долинами Дравы, Тисы и Дуная. Написана, ох написана мадьярам горькая судьба болгар и сербов.

Венеция цепенеет от ужаса, когда Мурад II обагренным ятаганом истребляет Эпир и Албанию. Царство Византийское укорочено до размеров Константинополя, Иоанн VIII и брат его Константин с беспокойством взирают со стен, высматривают, уж не нападет ли Осман. Миритесь, христиа-

¹ Горе побежденным (*лат.*).

не Востока и Запада, перед лицом общего врага! Миритесь и объединяйтесь!

Разве что слишком поздно уже...

Близок великий день Господень, и будет он днем гнева, днем гнета и терзаний, днем разрушения и опустошения, днем темноты и мрака, днем тучи и грозы.

Dies irae...

Предсказал царь Давид в псалмах, сделал пророчество пророк Софония, нагадала языческая вещунья Сибилла. Когда увидите, что брат брата выдает на смерть, что дети встают против родителей, что жена оставляет мужа и что один народ объявляет войну другому народу, что на всей земле великий голод творится, великие бедствия и многочисленные несчастья, тогда узнаете, что близок конец... Чего? Что говорите? Что все, что я тут перечислил, происходит ежедневно, повсюду и кругом? И вовсе не в последнее время только, а извечно, в круге времени?

Ха, ты прав, благородный господин рыцарь с Габданком на гербе, как и ты, достопочтенный фратер от святого Франциска. Вы правы, кивая головами и мины умные строя, и вы, уважаемые господа, и вы, монахи благочестивые, и вы, купцы добрые. Правы. Всюду зло и преступление. Ежедневно братоубийство, повсеместно предательство, постоянно кровопролитие. Что ж, действительно, наступил век измены, произвола и насилия, век непрестанной войны. Как же тогда, если такое вокруг творится, распознать: уже конец света, али нет еще? По чему это оценить? Какие знаки показаны будут? Какие *signa et ostenta*?

Головами, смотрю, все киваете, уважаемые господа, добрые граждане, праведные монахи. Ведаю, о чем думаете, ибо и я порой над тем размышлял.

А может, думал я, без сигнала все содеется? Без оповещения? Без предупреждения? Вот просто: бац! И конец, *finis mundi*¹? Может, нет надежды на спасение? Может, полное отсутствие праведных в Содоме? Может, поскольку мы племя коварное, не будет знак нам подан?

¹ конец света (*лат.*).

Ну, не пугайтесь! Будет. Обещают это евангелисты. Как канонические, так и апокрифичные.

Будут знаки на солнце, месяце и звездах, а на земле тревога народов, беспомощных перед шумом моря и его лавиной. Силы небес содрогнутся. Солнце затмится, месяц светить не будет, а звезды будут падать с небес. И отвяжутся четыре ветра от своих основ. *Movebuntur omnia fundamenta terrae*¹, задрожат земля и море, а вместе с ними горы и пригорки. И снизойдет с неба голос архангела, и услышан будет в самых глубоких ущельях.

И на протяжении семи дней будут великие знаки на небе. А какие будут, поведаю. Слушайте!

В первый день придет туча с севера. И будет из нея дождь кровавый на всей земле.

Во второй же день земля будет сдвинута со своего места; врата неба откроются на востоке и дым огня большого заслонит все небо. И будет в тот день великий страх и ужас на свете.

В третий день застонут глубины земли с четырех сторон света, и все пространство заполнится омерзительным смрадом серы. И будет так аж до десятого часа.

В день четвертый диск солнца заслонится и будет темень великая. Пространство будет мрачным без солнца и месяца, звезды прекратят свои услуги. И так будет аж до утра.

В шестой день утро будет туманное...

¹ Все основания земли колеблются (Пс., 81:5).

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой Рейневан, пытающийся напасть на след своей любимой, подвергается проклятию: «...в доме и во дворе, стоя, сидя и работая». Тем временем Европа изменяется, приспособляясь к новой технике боя.

Утро было туманным, непривычно теплым для февраля. Всю ночь намечалась оттепель, на рассвете снег таял, отпечатки подков и выдавленные колесами телег колеи моментально заполнялись черной водой. Оси и валки в телегах скрипели, кони храпели, возницы сонно матерились. Насчитывающая около трехсот повозок колонна двигалась медленно. Над колонной носился тяжелый, удушающий запах соленой сельди.

Сэр Джон Фастольф сонно покачивался в седле.

После нескольких дней мороза вдруг настала оттепель. Мокрый снег, падающий всю ночь, таял быстро. Растаявший иней капал с елей.

— Гы-ы-ы-р на них! Бей!

— Га-а-а-а!

Шум внезапной драки всполошил ворон, птицы сорвались с голых веток, оловянное февральское небо испещрило черная и подвижная мозаика, насыщенный растаявшей влагой воздух заполнился карканьем. Лязгом и грохотом железа. Криком.

Битва была короткой, но яростной. Копыта изрыли снежное месиво, перемешали его с болотом. Кони ржали и тон-

ко визжали, люди орали. Одни воинственно, другие от боли. Началось внезапно, закончилось быстро.

— О-го-го! Заходи-и-и! Заходи-и-и-и-и!

И еще раз. Тише, дальше. Эхо шарахалось по лесу.

— О-го-го-о-о! О-го-го-о-о-о-о!

Вороны каркали, кружась над лесом. Топот помалу удалялся. Крики затихали.

Кровь окрашивала лужи, впитывалась в снег.

Раненый армигер услышал приближающегося всадника, его встревожил храп коня и звон упряжи. Армигер охнул, попробовал подняться, но не смог, напряжение усилило кровотечение. Из-под лат панциря сильнее запульсировала карминовая струя, сплывая по металлу. Раненый сильнее уперся плечами в поваленный пень, достал кинжал. Сознывая, насколько скверно это оружие в руках того, кто не может подняться, имея пробитый копьём бок и вывихнутую при падении с коня ногу.

Приближающийся гнедой жеребец был иноходцем, нетипичная постановка ног сразу бросалась в глаза. Всадник на гнедом коне не имел на груди знака Чаши, то есть не был одним из гуситов, с которыми отряд армигера недавно провел схватку. У всадника не было оружия. И не было доспехов. Он был похож на обыкновенного путника. Раненому армигеру, однако, было известно, что сейчас, в феврале месяце Года Господнего 1429, в районе Стшегомских холмов путников не бывает. В феврале 1429 года по Стшегомским холмам и Яворской равнине не путешествовал никто.

Всадник долго присматривался к нему с высоты седла. Долго и молча.

— Кровотечение, — отозвался он наконец, — надо остановить. Я могу это сделать. Но только в том случае, если ты отбросишь прочь этот стилет. Если ты этого не сделаешь, то я отъеду, а ты управляйся сам. Решай.

— Никто... — охнул армигер. — Никто не даст за меня выкуп... Чтобы потом не получилось, будто я не предупредил...

— Бросишь стилет или нет?

Армигер тихо выругался, швырнул кинжал, сильно махнув наотмашь. Всадник слез с коня, отвязал выюки, с кожа-

ной сумкой в руках встал сбоку на колени. Коротким складным ножом перерезал ремни, соединяющие латы нагрудника и наплечника. Сняв латы, распорол и раздвинул пропитавшийся кровью акетон, низко наклонившись, заглянул.

— Неважно... — пробурчал. — Ох, неважно это выглядит. *Vulnus punctum*, колотая рана. Глубокая. Я наложу повязку, но без дальнейшей помощи нам не обойтись. Довезу тебя к Стшегомю.

— Стшегом... осажден... Гуситы...

— Знаю. Не шевелись.

— Я тебя... — выдохнул армигер. — Я тебя, кажется, знаю...

— Мне, представь себе, твоя рожа тоже кажется знакомой.

— Я Вилкош Линденау... Оруженосец рыцаря Борсхница, упокой, Господи, его душу... Турнир в Зембицах... Я вел тебя в башню... Ведь ты... Ты же Рейнмар из Белявы... Ведь так?

— Ага.

— Ты ведь... — глаза армигера изумленно расширились. — Господи Иисусе... Ты ведь...

— Проклят в доме и во дворе? Согласен. Теперь заболит. Армигер сжал зубы. В самый раз.

Рейневан вел коня. Скорчившийся в седле Вилкош Линденау охал и постанывал.

За холмом и лесом была дорога, недалеко от нее обгоревшие руины, остатки до основания разрушенных домов, в которых Рейневан с трудом распознал бывший кармель, монастырь ордена *Beatissimae Virginis Mariae de Monte Carmeli*, служащий когда-то домом демеритов, местом уединения и наказания оступившихся священников. А дальше был уже Стшегом. Осажденный.

Осаждающая Стшегом армия была многочисленной, Рейневан с первого взгляда оценил ее в добрые пять-шесть тысяч человек. Таким образом, подтверждались слухи, что Сиротки получили подмогу из Моравии. В декабре прошлого года Ян Краловец вел на силезский рейд почти четыре тысячи бойцов, с пропорциональным числом боевых возов и артиллерии. Возов в наличии было около пятисот. Что касается артиллерии — именно сейчас ей представился случай показать себя во всей

красе: десяток бомбард¹ и мортир² загрохотали, заволакивая дымом батарею и подступы. Каменные ядра со свистом полетели в город, врезаясь в стены и дома. Рейневан видел, во что попали снаряды, видел, во что целились. Под обстрел попали Башня Клюва и башня над Свидницкими воротами, главные оборонительные бастионы с юга и востока, а также богатые каменные дома на рынке и приходская церковь. Ян Краловец из Градка был опытным предводителем, знал, на ком отвязываться и чье имение рушить. Обороняться ли отчаянно, или сдаться, обычно решали голоса городской аристократии.

В принципе после залпа можно было ожидать штурма, но ничто на это не указывало. Дежурные части производили из окопов обстрел из арбалетов, гаковниц и тарасниц, но остальные Сиротки предавались безделью возле привалочных костров и кухонных котлов. Не наблюдалось никакой усиленной активности также в окрестностях шатров штаба, над которыми лениво развевались знамена с Чашей и Пеликаном.

Рейневан направил коня в направлении собственно штаба. Сиротки, возле которых они проезжали, равнодушно сопровождали их взглядом, никто их не задержал, никто не окрикнул и не спросил, кто они. Сиротки могли узнать Рейневана, — его знали многие. А может, им просто было всё равно.

— Голову мне здесь снесут... — забормотал с седла Линденау. — На мечах разнесут... Еретики... Гуситы... Черти...

— Ничего тебе не сделают, — сам себя убеждал Рейневан, видя приближающийся к нему патруль, вооруженный рогатинами и гизармами. — Но для верности говори: «Чехи». *Vitáme vas, bratři!* Я Рейнмар Белява, узнаете?

— Врач нам нужен! *Felčar!* Пожалуйста, позовите фельдшера!

Когда Рейневан появился в штабе, его с места обнял и расцеловал Бразда из Клинштейна. После него начали трясти ему руку и хлопать по плечам Ян Колда из Жампаха, братья Матей и Ян Салавы из Липы, Пётр Поляк, Вилем Еник и другие, которых Рейневан не знал. Ян Краловец из Град-

¹ пушка, стреляющая каменными ядрами.

² короткоствольное орудие крупного калибра для ведения навесного огня.